

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕЯНИЯ НОВОГО СТОЛЕТИЯ *POLITICAL TRENDS IN A NEW CENTURY*

Дигитально-опосредованное политическое участие в сравнительной перспективе. Статья 2

С.Н. ПШИЗОВА*

*ПШИЗОВА Сусанна Нурбиевна – кандидат исторических наук, доцент, факультет государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4. E-mail: susannapsh@gmail.com

Разговор о влиянии коммуникационных технологий на политический процесс, начатый в первой статье (см. “ОНС”, 2019, № 5), во второй продолжается анализом низовой политической активности. Автор подчеркивает, что в “старых” демократиях под воздействием цифровых сетей происходит постепенное вытеснение традиционных массовых организаций или их замещение гибридными формами объединений; а в “новых” – сообщества для политического взаимодействия создаются сразу в цифровых каналах. Однако онлайн и оффлайн активность и тех и других выглядит сегодня сходным образом в разных политических контекстах. Сходство, по мнению автора, порождается новой логикой, которая лежит в основе дигитально-опосредованной сетевой активности. Показаны отличия этой логики от “логики коллективного действия”, которую описал М. Олсон в середине XX в. и которая объясняла процесс создания и функционирования групповых объединений в доцифровую эпоху. Общение становится очень персонализированным, неиерархизированным, с неакцентированной идентичностью участников. Радикально снижаются издержки создания сообществ, снимается “проблема безбилетника” (free-ride). Тем самым практически исчезают барьеры для индивидуального участия в коллективном действии и создаются предпосылки для массовой политической активности. В статье также идентифицируется процесс “цифровизации архаики” – перенос в дигитальное пространство несетевых моделей поведения, использование новых технологий для стимулирования различных форм фальсифицированной низовой активности. Автор демонстрирует амбивалентный характер перехода к дигитально-опосредованному политическому действию. Глубинная демократизация политического общения сопровождается вытеснением с политической сцены организаций-посредников, что приводит к разрушению механизмов демократической ответственности, сформировавшихся и успешно работавших в либеральных демократиях на протяжении всей истории их существования.

Ключевые слова: политические коммуникации; российская политика; политическое участие; цифровые технологии; современные демократии; дигитальные сети; социальные сети; посткоммунистические страны.

DOI: 10.31857/S086904990007571-0

Цитирование: Пшизова С.Н. (2019) Дигитально-опосредованное политическое участие в сравнительной перспективе. Статья 2 // Общественные науки и современность. № 6. С. 104–115. DOI: 10.31857/S086904990007571-0

Digitally-Mediated Political Participation in a Comparative Perspective. Article 2

Susanna N. PSHIZOVA*

*Susanna N. Pshizova – PhD (History), associate professor, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. Address: MSU, Faculty of Public Administration, Russia, 119991, GSP-1, 27-4 Lomonosovsky prospekt, Moscow, Russian Federation. E-mail: susannapsh@gmail

Abstract. The second part of the article deals with the impact of new communication technologies on grassroots political activity. In the “old” democracies under the influence of digital networks, the traditional mass organizations are gradually crowding out or replacing by hybrid forms of associations. In the “new” democracies – communities for political interaction are created immediately in digital channels. However, online and offline activity of those and others today looks in a similar way in different political contexts. The similarity is generated by the new logic that underlies the digitally-mediated network activity. This logic differs from the M. Olson’s “logic of collective action” explained the process of creation and functioning of group associations in the pre-digital era. We see much more personalized communications, without clear internal hierarchy and accented identity of the participants. Organizational costs are drastically reduced, and the free-rider problem has been removed. Thus, obstacles for individual participation in collective action almost disappear and prerequisites for mass political activity are created. At the same time, the “digitalization of the archaic practices” takes place, i.e. – the transfer of non-network models of behavior to the digital space, and the use of new technologies to stimulate various forms of falsified grassroots activity. However, the inorganic character of the “old” logic of collective action for digital networks is confirmed by the widespread growth of amateur political activity of young people who are most involved in new forms of communication. However, the proliferation of digitally-mediated political action is ambivalent. On the one hand, it leads to a deep democratization of political communication. On the other – the extrusion of intermediary organizations from the political stage could eradicate the mechanisms of democratic accountability formed and successfully worked in liberal democracies in the previous period.

Keywords: political communications; Russian politics; political participation; digital technology; modern democracies; digital networks; social networks; postcommunist countries.

DOI: 10.31857/S086904990007571-0

Citation: Pshizova S. (2019) Digitally-Mediated Political Participation in a Comparative Perspective. Article 2. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 104–115. DOI: 10.31857/S086904990007571-0 (In Russ.)

От организаций к цифровым сетям

Под воздействием новых коммуникационных технологий перестраивается практически вся политическая сфера. Изменения касаются всех уровней политического участия от самого верха до рядовых избирателей (так называемых *grassroots* в терминологии англоязычной политологии), где тоже открылись новые возможности и появились новые угрозы, требующие пристального внимания исследователей.

Рассматривая сегодня низовой уровень политической активности, нельзя не заметить, что массовая политическая мобилизация выглядит сходным образом в политических режимах с разными характеристиками: большое количество людей, охваченных единым стремлением (эмоцией, возмущением, воодушевлением и т.д.), коллективно организуются, используя доступ к цифровым сетям. Объединения, возникающие в результате интенсивных личных контактов внутри дигитальных медиа (а не по призыву и не в организационных рамках оффлайновых структур), реализуются затем на площадях

американских, европейских, азиатских или африканских городов, в мечетях, на рынках или в университетах – в самых разных общественных местах и собраниях.

Социально-политические предпосылки для возникновения новых форм политической активности формировались в старых либеральных демократиях уже с конца 1970-х гг., когда в индустриальных странах шел процесс фрагментации общества, разрушения традиционных групповых идентичностей и лояльностей. Многие институционализированные общественные структуры, прежде всего партии и профсоюзы, постепенно теряли доверие граждан и массовую поддержку. Они сами в глазах избирателей все больше превращались из инструмента решения проблем в новую проблему. Конечно, далеко не все из этих структур прекратили свое существование. Однако ныне они все чаще располагаются не в центре, а на периферии новых движений, возникающих не по их инициативе и вне их организационных структур. В лучшем случае, традиционные институты становятся дополнением к новым формирующимся активистским сообществам, которые Э. Чэдвик называет “гибридными медиа-опосредованными организациями” [Chadwick 2007].

В странах, где до конца XX в. исторически отсутствовал опыт бытования массовых институтов гражданского общества, не было и проблемы выбора между старыми и новыми формами политического участия. Здесь современные социально-политические движения формируются не как альтернатива утратившим доверие старым организациям, а как бы с чистого листа, но уже в контексте доминирования новых средств коммуникации.

Это характерно и для нашей страны, где дезориентированный постсоветский социум оказался на руинах практически всех общественных институтов (идеологических, политических, имперских, административных, культурных, образовательных и т.д.), среди покореженных идентичностей и мифов, под воздействием психологических травм, незаживших ран и фантомных болей общественного сознания. Попытки создать низовые политические организации по образу и подобию западных демократий, предпринимавшиеся на протяжении двух десятков посткоммунистических лет, к большому успеху не привели. В результате всех этих усилий мы получили, с одной стороны, бюрократическую структуру партии власти (в широком смысле она включает все парламентские партии и строится административными средствами), а с другой – крах всех стремлений создать традиционными методами сколько-нибудь массовую гражданскую политическую организацию или движение.

В то же время события последних лет показывают, что массовое политическое действие, основанное на добровольном объединении людей, возможно. Однако сегодня оно строится на иных организационных принципах, нежели в прошлом столетии. Успешных примеров политической мобилизации, осуществленной в соответствии с этими принципами, можно привести уже много. К ним относятся, например, выступления против саммита G20 в Лондоне 2009 г. (см. “The Guardian”, 28.03, 2009) или британская гражданская платформа 38 Degrees (<https://home.38degrees.org.uk/>); испанское “движение возмущенных” (Los indignados), позже превратившееся в партию “Подemos” [Хенкин 2016]; американское “Движение чаепития” (TEA Party Movement) [Гарбузов 2015]; так называемые “оккупай” в разных странах (прежде всего “Occupy Wall Street” в США в 2011 г.) [Левитин 2015]; итальянское “Движение 5 звезд”, ставшее в 2018 г. участником правящей коалиции [Кузнецов, Соколова 2017, с. 48–58]; протесты в центре Стамбула на площади Таксим в 2013 г. (<https://www.vesti.ru/doc.html?id=1092072>); массовые демонстрации в Южной Корее 2016–2017 гг. (см. “РБК” 12.11.2016); протесты в Иране зимой 2017–2018 г. (<https://www.bbc.com/russian/news-42530752>); недавнее движение “Желтых жилетов” (Gilets jaunes) во Франции и др. К такого рода явлениям можно отнести и протестные выступления 2011–2012 гг. в России, а также некоторые более поздние акции.

Подключение людей не только к протестным массовым акциям, но и к рутинному политическому участию в наши дни происходит иначе, чем в недавнем прошлом [Bimber,

Flanagin, Stohl 2012]. Первое, что бросается в глаза, – инициаторами и главными участниками политических событий становятся неформальные организации, возникающие при посредничестве цифровых каналов. Отсутствие формальной структуры не мешает им вести активную деятельность не только в киберпространстве, но и оффлайн, организовывать массовые акции и шествия, создавать штабы и ячейки на местах. Многие из них демонстрируют изрядную устойчивость и даже укрепляются с течением времени. Некоторые превращаются в партии, хотя при этом имеют форму скорее движения, нежели стабильной организации. Структура связей в них горизонтальная, сетевая, в которой нет единого центра принятия решений и бюрократической иерархии [Chadwick, Stromer-Galley 2016, p. 285].

Практически повсеместно можно видеть превосходство этих новых сетевых движений над традиционными организациями в способности мобилизовать людей на политическое действие. Они просто отодвигают на периферию общественного внимания старых, хорошо известных акторов. В контексте растущего массового недоверия к политическим элитам молодость и отсутствие устоявшейся репутации превращаются из недостатка в дополнительное преимущество этих новых участников политической игры. Их деятельность разворачивается параллельно известным формальным организациям, которые теряют доверие граждан именно из-за своих связей с дискредитированными в глазах общественности финансово-экономическими и политическими элитами. Но все-таки самым важным условием их успеха представляется культивирование новых способов коммуникации [Gibson, Greffet, Cantijoch 2017]. Свои внутренние и внешние взаимодействия они осуществляют через социальные сети и СМИ, которые, в свою очередь, черпают информацию из социальных сетей, тем самым обеспечивая освещение этих движений в публичном пространстве в целом. Именно доминированием цифровых сетей в качестве каналов коммуникации можно объяснить организационное своеобразие новых массовых движений, их отличие от нецифровых предшественников, а также их сходство между собой, несмотря на разницу в идейных позициях и в политических системах, в которых они разворачиваются [Vaccari 2017].

Исследователи выделяют два варианта организационных механизмов, характеризующих политические сети с цифровым доступом [Bennett, Segerberg 2012, p. 742–743]. Во-первых, новые сообщества могут базироваться на структурах уже существующих (например, правозащитных) организаций, которые при этом отказываются от принятых прежде способов деятельности, таких как построение организационной иерархии, формальное членство и т.д. Вместо этого они начинают практиковать широкую сеть общественных взаимодействий через интерактивные цифровые каналы. Свои наработанные социальные технологии они предлагают обществу для распространения не столько собственных программных и уставных требований, сколько актуальных идей, волнующих граждан. Эти организации как бы соглашаются с тем, что темами для обсуждения и консолидации сетевых сообществ, с которыми они взаимодействуют, становятся общие вопросы, а не специфические сюжеты, которыми они занимались раньше. Тем самым они соглашаются и на неизбежное размывание собственной идентичности.

Второй механизм, типичный для многих новых сетевых движений, предполагает создание специальных технологических инструментов (платформ, приложений и др.), становящихся средствами политической консолидации. При этом требования и обращения пользователей транслируются через личные записи, циркулирующие в социальных сетях, в рассылках электронной почты или концентрирующиеся на координационных онлайн-платформах. Разрабатываются легко персонализируемые цифровые рамки, которые позволяют каждому желающему предавать широкой гласности собственные истории и изображения, получающие во многих случаях широкий отклик и массово распространяющиеся в социальных сетях (“we are the 99 per cent”, “#MeToo” и др.).

Примером эффективной работы в нашей стране специальной цифровой платформы коллективного действия можно считать кампанию по выборам муниципальных депутатов 2017 г. в Москве. Тогда была применена технология, получившая название “политический Uber”: электронная система организации и управления избирательной кампанией содержала всю необходимую информацию и пошаговые рекомендации для кандидатов. С ее помощью организаторам кампании удалось зарегистрировать более тысячи кандидатов. В результате 267 из них были избраны депутатами. Цифровая инфраструктура, созданная специально для этой кампании, базировалась на принципах, аналогичных тем, на которых работает бурно развивающаяся в последние годы шеринговая экономика (*sharing economy*). Все более широкое внедрение таких технологий в политический процесс (“уберизация политики”) неизбежно ведет к вытеснению традиционных организаций-посредников из взаимоотношений лидеров и избирателей. На их место приходят новые гибридные формы вовлечения в политику. Именно так добилось впечатляющего успеха итальянское “Движение 5 звезд” [Loi 2016].

Очевидно, что такие движения оказываются энергичнее своих традиционных аналогов. Воспроизведение запущенных в социальные сети лозунгов или требований часто приобретает вирусный характер, что создает благоприятные условия для распространения информации во внешнем по отношению к сообществу пространстве. Таким образом, по сравнению с традиционными общественными движениями, имеющими формальное членство, единые, отличные от других, программные установки, особые требования и четкие формы коллективной идентификации, дигитально-опосредованное сетевое действие (*digitally networked action*) оказывается куда более гибким, оно легче реагирует на изменение ситуации, привлекает больше людей и поэтому быстрее растет и расширяет свое влияние. Вопрос о том, является ли оно более эффективным в достижении намеченных целей, остается открытым. Ответ на него во многом зависит от оценки рисков развития такого явления, как “слактивизм” (*slacktivism*), тоже порожденного цифровыми технологиями [Morozov 2011, p. 179].

“Логика связующего действия”

По мнению Л. Беннета и А. Сегерберг, в основе двух типов коллективного действия – традиционного организационно-опосредованного и нового дигитально-опосредованного (сетевого) – лежат различные принципы, причем своя логика в каждом из этих типов задается во многом тем, какая роль в ней отведена каналам коммуникаций. Эти исследователи полагают, что необходимо отличать знакомую нам по работе М. Олсона “логику коллективного действия” (*the logic of collective action*) [Олсон 1995] от новой логики, которую они назвали “логикой соединяющего действия” (*the logic of connective action*) [Bennett, Segerberg 2012, p. 739]. В свою очередь, отдельные сообщества можно ранжировать в зависимости от того, насколько значительное место отведено в каждом из них формальным организациям с их традиционной логикой.

Важнейшее, ключевое отличие “новой логики” от “старой” состоит в уровне персонализации сетевых коммуникаций. Речь идет не только о форме, но и о содержании, личных мотивах участия [Lilleker, Koc-Michalska 2017]. Когда-то, пытаясь ответить на вопрос, почему люди в одних случаях объединяются для осуществления коллективных действий в своих интересах, а в других – нет, Олсон указывал, что личный интерес потенциальных участников организованного взаимодействия находится в сложных, порой конфликтных, отношениях с коллективными интересами группы. Поэтому при определенных условиях построение организованных групп оказывается вообще маловероятным. Затруднения вызываются прежде всего индивидуальной рациональной калькуляцией каждым потенциальным участником баланса между выгодами и издержками своего участия, а также необ-

ходимостью преодолевать так называемую “проблему безбилетника” (*free-rider problem*). Решение проблемы требует либо принуждения, либо дополнительной личной (например, материальной), либо сверхличностной (например, идеологической) стимуляции [Олсон 1995, с. 7–14]. Между тем с течением времени уже упоминавшееся разрушение традиционных коллективных идентичностей, в том числе идеологических, еще больше усложнило ситуацию, ухудшая условия создания и функционирования коллективных объединений.

Постепенно переориентация граждан на индивидуальные интересы привела к вовлечению в политику все большего числа людей, воспринимающих ее исключительно через собственные жизненные обстоятельства, через призму персональных надежд и разочарований. Появилась так называемая “политика образа жизни”, или “политика повседневности” (*lifestyle politics*) [Bennett 1998].

Темы, которые заставляли (и все еще заставляют) людей объединяться в традиционные организации (группы интересов, партии, идеологические объединения с фиксированным членством и т.д.), вполне могут совпадать с темами, побуждающими действовать и пользователей новых дигитальных движений. Однако в цифровых сетях, как правило, обсуждаются именно личностные аспекты этих тем, высказываемые оценки имеют сугубо личный характер, действия реализуются через персонализированные механизмы. В разных обществах и при различных политических режимах этот многогранный процесс индивидуализации политики выглядит по-разному. Однако везде можно наблюдать появление совокупности более гибких политических идентификаций, основанных на индивидуальном подходе граждан через собственный взгляд и образ жизни [Bimber 2017]. Влияние этого процесса на формы политического поведения несомненно. По-прежнему большое число людей участвует в различных совместных действиях, но теперь их активность в большей степени связана с разнообразными способами выражения личного отношения к той или иной проблеме, а не базируется на общей групповой или идеологической идентичности, как это было в прежние времена.

С перемещением коллективных действий в цифровые каналы не исчезла и проблема индивидуальной селективной мотивации политического действия. Она по-прежнему осложняет создание организованных групп, однако в то же время и перестает быть помехой для массовых коллективных действий. Просто промежуточное звено между субъектом и его участием в коллективном действии в виде организации, которое было обязательным в доцифровую эпоху, теперь становится ненужным. Вместе с ним исчезает и задача нахождения ресурсов, необходимых для создания и функционирования организации-посредника, а также необходимость преодоления всевозможных барьеров между индивидом и сообществом. Таким образом, создаются предпосылки для ничем не затрудненной прямой массовой мобилизации, а потенциальные препятствия на этом пути видятся теперь, скорее, в сфере цифрового неравенства или иных технических ограничений.

Радикальное снижение организационных издержек, сопровождающее дигитализацию социальной активности, может стать определяющим прежде всего в ситуации постдиктатур, где на предыдущем этапе отсутствовали условия формирования для структур гражданского общества в виде развитой сети групп интересов. Коллективное действие в таких условиях особенно затруднено, поскольку для создания совершенно новых, специальных организаций, призванных отстаивать какие-либо групповые интересы в публичном пространстве, здесь необходимы еще большие ресурсы и более сильные стимулы. Этим объясняется в значительной мере успех разного рода корпораций в продвижении своих интересов в политическом поле плохо структурированных обществ. По мнению Олсона, такие влиятельные группы, для которых лоббирование не является ни причиной появления на свет, ни единственной целью существования, действуют в соответствии с “теорией побочного продукта” [Олсон 1995, с. 124–127]. При необходимости одновременно со своей основной деятельностью они могут использовать имеющиеся у них ресурсы для осущест-

вления целенаправленного воздействия на представителей власти. Не испытывая нужды в дополнительных затратах на создание для этого специальной организации, они получают заведомое преимущество перед прочими носителями коллективных интересов. Это наблюдение Олсона позволяет объяснить, в частности, почему в нашей стране у собственников крупных компаний практически не оказалось конкурентов в отношениях с государством: в посткоммунистической России отсутствовали какие-либо самостоятельные организации (например, профсоюзы), унаследованные от СССР, а создание новых, несмотря на все старания энтузиастов, неизбежно наталкивалось на отмеченные выше препятствия.

Как уже было сказано, формирование гибких социальных связей “слабого соединения”, сопровождавшее разрушение мощных групповых объединений, отмечалось исследователями уже давно (см., например, [Granovetter 1973]). Еще в последние десятилетия XX в. было диагностировано появление сложных сетевых конгломератов, основанных на изменяющихся социальных и политических идентичностях. Эти сети помогали людям ориентироваться внутри социальных групп или между ними. Сегодня же речь идет именно о цифровых сетях, которые сами по себе становятся главными организационными, а точнее – организующими, формами. В этом качестве они более важны, чем любые группы или организации, существующие вне Интернета. Именно они выполняют функцию связующих структур как таковых [Bennett, Segerberg 2012, p. 744]. Такие сети создаются и масштабируются с помощью цифровых технологий, которые в этом процессе играют решающую роль. Только цифровые сети генерируют социальные сообщества совершенно нового качества и небывалого размаха и организуют разнообразные коллективные действия, начиная от кампаний по сбору денег и заканчивая протестами в различных культурных и социальных средах. Без них все это было бы просто невозможно.

Среди факторов, способствующих осуществлению крупномасштабных “связующих действий” в цифровых сетях, можно отметить несколько размытый характер предлагаемых для объединения идей. Краткие, не детализированные тезисы, принимающие форму хэштегов, легко воспринимаются аудиторией, не требуют больших усилий для понимания, носят очень общий характер и могут быть легко переформулированы и переинтерпретированы. Это делает возможным подключение к объединенным действиям людей, имеющих совершенно разные мотивы для поддержки какого-то начинания или же заметно разнящиеся причины для недовольства. В самом же ходе совместной акции может происходить основательное сглаживание различий между политическими позициями участников, если их волнует одна и та же конкретная проблема или они хотят что-то изменить.

Кроме того, сам процесс коммуникации в цифровых сетях сочетает последовательную персонализацию с одновременным расширением круга участников посредством распространения сообщений между друзьями, единомышленниками или другими доверенными лицами. Таким образом, с одной стороны, цифровые коммуникации носят сугубо индивидуальный характер, а с другой – позволяют делиться своим личным мнением с огромным числом людей. Это может происходить в форме текстов (постов), твитов, общения в социальных сетях или размещения мэшапов на YouTube и т.д. Есть множество конкретных примеров того, как легко происходит присоединение новых пользователей к самым общим лозунгам, появившимся в сети. Часто участие в акции может ограничиться всего лишь одним кликом мыши или отправкой письма со своими требованиями по указанному адресу.

При этом совершенно не обязательно уточнять свою политическую позицию или присоединяться к какой-либо организации. Тем самым возможные разногласия как бы остаются за скобками, что также приводит к снижению издержек на организацию коллективного действия, о которых писал Олсон. В отличие от “персональных рамок действия”, существующих в цифровых сетях, коллективное действие в других форматах требует четкой самоидентификации и присоединения к уже существующим группам или идеологиям.

Поэтому часто активность потенциальных участников таких форм действий останавливается у границ хорошо организованных сообществ.

Переход к дигитально-опосредованному политическому участию убирает эти барьеры. Кроме того, данный переход может одновременно означать бесперспективность создания новых организаций и угрозу упадка уже существующих (см., например, [Earl, Copeland, Bimber 2017]). А ведь это не что иное, как процесс вытеснения из политики организации как таковой, как формы, бывшей обязательным посредником и инструментом политического взаимодействия на всем протяжении истории массовых демократий. Такая перспектива представляется очень существенным изменением политического взаимодействия и требует осмысления.

Не стоит забывать, что именно необходимость обеспечить коммуникацию между лидерами и рядовыми гражданами после введения всеобщего избирательного права на рубеже XIX–XX вв. предопределила появление такого ключевого политического института, как массовые партии. Анализ тенденций формирования первых партийных организаций, как известно, в свое время вызвал немалый скепсис в отношении перспектив развития народовластия, спровоцировав корректировки бытовавших среди теоретиков представлений. Однако именно на этих основаниях были выстроены впоследствии сбалансированные и ответственные системы демократического представительства, существующие во многих странах до сих пор. Похоже, что цифровые медиа нового поколения могут превратить эти основополагающие структуры демократии в вымирающих “динозавров” (<http://4liberty.eu/political-parties-heading-for-extinction/>). Исчезновение же столь мощных несущих конструкций демократических систем, как партии (то же самое, видимо, следует сказать и об организованных группах интересов), способно привести к очень серьезным, хотя пока и не вполне четко обозначенным последствиям. Во всяком случае, уже совершенно очевидно, что оно порождает эксцессы популизма и актуализирует на новом уровне проблему “некомпетентности суверена”, выходящего ныне прямо на политическую авансцену.

Цифровизация архаики

Конечно, использование цифровых каналов коммуникации само по себе совсем не обязательно производит новое социальное действие. Отнюдь не все сообщества, создаваемые и действующие в Интернете, базируются на специфической логике “соединяющего действия”. Цифровые технологии вполне могут использоваться в качестве инструментов реализации традиционных целей, в рамках “архаичных” моделей поведения. Эти модели могут практиковать и “провластные” группы, и сообщества, критически настроенные по отношению к действующим властям. Очевидно, что традиционные методы мобилизации (например, материальное стимулирование) нередко переносятся в цифровое пространство, а специфические возможности цифровых коммуникаций при этом либо совсем не задействуются, либо применяются ограниченно.

Кроме того, с помощью цифровых сетей могут воспроизводиться фальсифицированные формы массового политического участия, причем с гораздо большей легкостью, чем это делается офлайн. Дигитальные медиа успешно используются сегодня для мобилизации участников разного рода акций, имитирующих низовую активность. Имитируется при этом не только мотивация (добровольность), но и сетевой, горизонтальный, неиерархизированный характер связей. Благодаря Интернету большой размах получают ныне различные виды “астротурфинга” – имитационные формы массовой низовой активности: проведение наемных митингов и демонстраций, распространение оплаченных комментариев в социальных сетях или создание так называемых ГОНГО (GONGOs) – “негосударственных организаций, организованных государством” (Government-Organized

Non-Governmental Organizations) [Hasmath, Hildebrandt, Hsu 2016]. В этих случаях “соединение” участников происходит совершенно на иных основаниях, в соответствии с логикой взаимоотношений нанимателя и наемного работника. Хотя в определенных обстоятельствах через подобного рода форматы могут выстраиваться вполне конструктивные отношения между государством и обществом, но все же говорить о самостоятельной политической активности при таких условиях не приходится.

Авангард цифрового участия

Одно из самых заметных последствий влияния новых коммуникативных технологий на политический процесс – повышение политической активности молодежи. Взаимосвязь здесь очевидна. Молодежь – категория населения с самым высоким уровнем цифровой грамотности. Она в наибольшей степени включена в эксплуатацию цифровых каналов коммуникации. Не случайно тенденция к усилению молодежной вовлеченности в политику фиксируется в странах с высоким уровнем проникновения Интернета и дигитализации общественной жизни вне зависимости от характера установившегося в этих странах политического режима.

По данным ученых из университета Тафтса, участие молодежи в политической жизни США на промежуточных выборах 2018 г. было одним из самых высоких за последние десятилетия. По сравнению с выборами 2014 г. количество проголосовавших юношей и девушек увеличилось на 10% и составило 31% против 21%. В целом молодежная протестная активность выросла за последние два года в три раза (!). Исследователи отмечают также, что вовлечение молодых людей в политику происходит именно через социальные сети, которые стали одним из важнейших онлайн-инструментов оффлайн-мобилизации. Почти поголовное использование социальных сетей американской молодежью стало ключевым фактором: 90% молодых людей в возрасте 18–29 лет пользуются хотя бы одним из социальных медиаресурсов (<http://www.pewinternet.org/fact-sheet/social-media/>).

В России интенсивное развитие цифровой инфраструктуры в предыдущие годы сформировало предпосылки для развития тех же тенденций распространения дигитально-опосредованного политического участия, что и в других развитых странах. Исследование Левада-Центра показывает, что в октябре 2018 г. доля российских интернет-пользователей в возрасте 18 лет и старше составила 76%. В то же время в возрастной категории 18–24 года ежедневно во всемирную сеть выходят 90% опрошенных (<https://www.levada.ru/2018/11/13/polzovanie-internetom-2/>). На начало 2019 г., по данным FGK, в нашей стране “проникновение Интернета среди молодежи и людей среднего возраста близко к предельным значениям, и рост аудитории Интернета происходит в основном за счет людей старшего возраста”. В возрастной группе 16–29 лет этот показатель составляет 99% (https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2019/GfK_Rus_Internet_Audience_in_Russia_2018.pdf).

Данные по использованию россиянами цифровых социальных сетей дают все основания включить Россию в одну группу с экономически развитыми странами, подавляющее большинство которых – демократии. Согласно информации ВЦИОМа на февраль 2018 г., среди опрошенных россиян старше 18 лет 45 % “пользуются хотя бы одной из социальных сетей почти каждый день, 62% – хотя бы раз в неделю”. Параметры, описывающие дигитальную активность молодежи, демонстрируют почти полное сходство с приведенным выше исследованием по американской молодежи. Например, среди граждан России в возрасте 18–24 года “почти ежедневно пользуются социальными сетями 91%” (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691>). Более того, Л. Сморгун и А. Шерстобитов, описывая активность политических сообществ в самой популярной среди россиян социальной сети “ВКонтакте”, по существу, обнаруживают там “логику связующего действия”, о которой

пишут Беннет и Сегерберг: децентрализованное, сетевое взаимодействие, отсутствие центра принятия решений, горизонтальное управление, непрерывное участие всех в формировании повестки. Пытаясь выявить различия между сторонниками противоположных политических позиций, исследователи отмечают, что в оппозиционном сегменте сети “идеологические основания не играют практически никакой роли в выборе тех, с кем осуществляется сетевое взаимодействие”. Тем не менее более активные и многочисленные “протестные” сообщества не демонстрируют на фоне “провластных” значительно более высоких показателей централизации, плотности, связанности, симметрии [Сморгунов, Шерстобитов 2018, с. 87–101].

Таким образом, в отечественном сегменте Интернета мы видим очень развитые, “пластичные” формы дигитально-опосредованного политического участия. Можно сказать, что поразившая недавно российскую общественность высокая вовлеченность очень молодых людей (“школоты”) в уличную политическую активность объясняется их большей подверженностью “логике связующего действия”, ибо они вообще активно включены в виртуальные сетевые взаимодействия.

* * *

Внедрение новых цифровых технологий в политический процесс может радикально изменить – и уже меняет! – лицо всех современных демократий: и “старых”, и “молодых”, и либеральных, и не очень. Однако наметившиеся векторы изменений вызывают очень разные эмоции у аналитиков – от безудержного оптимизма в связи с открывающимися возможностями выбора и политического участия до самых мрачных ожиданий построения “общества тотального надзора”. При этом весь спектр как возможностей, так и угроз представляет собой потенциальные альтернативы для всех существующих политических систем и нуждается в тщательных сравнительных исследованиях. Одно из направлений таких исследований связано с повсеместным переходом к дигитально-опосредованному политическому участию.

Сегодня люди могут обращаться друг к другу или к бесконечному числу других людей индивидуально, без больших затрат и посредников. Происходит глубинная демократизация политического общения. Оно стало опосредоваться не организациями, а цифровыми каналами. Дигитально-опосредованное политическое действие одновременно оказывается и сугубо индивидуальным, и в то же время потенциально всемирным. Дистанция между политиками и избирателями радикально сокращается. Элиты при этом утрачивают контроль над производством и распространением информации. Появляются невиданные ранее возможности для непосредственного политического самовыражения каждого гражданина (конечно, при условии, что он – пользователь цифровых сетей). Отсутствие единого центра принятия решений и горизонтальная структура связей создают условия для “непрерывного референдума”, постоянного участия всех избирателей в формировании политической повестки и обсуждении альтернатив. Кажется, что концепция делиберативной демократии Ю. Хабермаса, как никогда, близка к реализации на практике.

Однако те же цифровые инструменты могут быть не менее эффективно использованы для персонализированного и одновременно массового целенаправленного воздействия на сколь угодно большие группы пользователей с целью контроля за их поведением или изменения его в каком-либо направлении. Поэтому необходимы разработки механизмов демократической ответственности потенциальных субъектов такого воздействия (будь то политики-популисты, медиааналитики и технологи или собственники цифровых ресурсов). Эта проблема лишь начинает осознаваться обществом. Но она становится тем более актуальной в контексте вытеснения из системы политических отношений таких фундаментальных институтов демократии, как партии и организован-

ные группы интересов. Нельзя забывать, что функции легитимации власти, политической социализации, обеспечения контроля и ответственности управляющих, выполнение которых в прежние времена было прерогативой как раз этих организаций-посредников, не могут оставаться бесхозными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарбузов В. (2015) Движение чаепития в США // Российский совет по международным делам (<http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dvizhenie-chaepitiya-v-ssha/>).

Кузнецов Г.С., Соколова Е.Н. (2017) Современный технологический популизм. Стратегический доклад. М.: Экспертный институт социальных исследований (<http://eistr.ru/upload/iblock/20c/20cb876129f9b9a84e68c9a20a4ee9bf.pdf>).

Олсон М. (1995) Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд Экономической Инициативы.

Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. (2018) Политические сети. Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс.

Хенкин С.М. (2016) Феномен Подемос // Ибероамериканские тетради. №1(11). С. 15–28 (http://imi-mgimo.ru/images/pdf/Iberoamerikanskije_tetradj_1_11_2016.pdf).

Bennett W.L. (1998) The Uncivic Culture: Communication, Identity, and the Rise of Lifestyle Politics // PS: Political Science and Politics. Vol. 31. No 4. Pp. 741–761.

Bennett W.L., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action // Information, Communication & Society. Vol. 15. No 5. Pp. 739–768. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>.

Bimber B. (2017) Three prompts for collective action in the context of digital media // Political Communication. Vol. 34. No 1. Pp. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2016.1223772>

Bimber B., Flanagan A., Stohl C. (2012) Collective Action in Organizations: Interaction and Engagement in an Era of Technological Change. New York: Cambridge Univ. Press.

Chadwick A. (2007) Digital Network Repertoires and Organizational Hybridity // Political Communication. Vol. 2. No 3. Pp. 283–301. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584600701471666>

Chadwick A., Stromer-Galley J. (2016) Digital Media, Power, and Democracy in Parties and Election Campaigns: Party Decline or Party Renewal? // The International Journal of Press/Politics. Vol. 21. No 3. Pp. 283–293. DOI: <https://doi.org/10.1177/1940161216646731>

Earl J., Copeland L., Bimber B. (2017) Routing around organizations: Self-directed political consumption // Mobilization: An International Quarterly. Vol. 22. No 2. Pp. 131–153. DOI: <https://doi.org/10.17813/1086-671X-22-2-131>

Gibson R., Greffet F., Cantijoch M. (2017) Friend or Foe? Digital Technologies and the Changing Nature of Party Membership // Political Communication. Vol. 34. No 1. Pp. 89–111. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2016.1221011>

Granovetter M. (1973) The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. Vol. 78. No 6. Pp. 1360–1380 (<https://www.jstor.org/stable/2776392>).

Hasmath R., Hildebrandt T., Hsu J. (2016) Conceptualizing Government-Organized Non-Governmental Organizations. Paper Presented at Association for Research on Nonprofit Organizations and Voluntary Action Annual Conference (Washington D.C., USA), November 17–19 (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2814215).

Levitin M. (2015) The Triumph of Occupy Wall Street // The Atlantic. 10 June (<https://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/06/the-triumph-of-occupy-wall-street/395408/>).

Lilleker D., Koc-Michalska K. (2017) What Drives Political Participation? Motivations and Mobilization in a Digital Age // Political Communication. Vol. 34. No 1. Pp. 21–43. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2016.1225235>

Loi M. (2016) The Uberization of Politics? Or: the Success of the Five Stars Movement explained by 10 analogies with the Sharing Economy (https://www.academia.edu/30280819/The_Uberization_of_Politics).

Morozov E. (2011) The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York: Public Affairs.

Vaccari C. (2017) Online Mobilization in Comparative Perspective: Digital Appeals and Political Engagement in Germany, Italy, and the United Kingdom // Political Communication. Vol. 34. No 1. Pp. 69–88. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2016.1201558>

REFERENCES

- Bennett W.L. (1998) The Uncivic Culture: Communication, Identity, and the Rise of Lifestyle Politics. *PS: Political Science and Politics*, vol. 31, no. 4, pp. 741–761.
- Bennett W.L., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action. *Information, Communication & Society*, vol. 15, no. 5, pp. 739–768. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>.
- Bimber B. (2017) Three prompts for collective action in the context of digital media. *Political Communication*, vol. 34, no. 1, pp. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2016.1223772>.
- Bimber B., Flanagin A., Stohl C. (2012) *Collective Action in Organizations: Interaction and Engagement in an Era of Technological Change*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Chadwick A. (2007) Digital Network Repertoires and Organizational Hybridity. *Political Communication*, vol. 2, no. 3, pp. 283–301. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584600701471666>.
- Chadwick A., Stromer-Galley J. (2016) Digital Media, Power, and Democracy in Parties and Election Campaigns: Party Decline or Party Renewal? *The International Journal of Press/Politics*, vol. 21, no. 3, pp. 283–293. DOI: <https://doi.org/10.1177/1940161216646731>.
- Earl J., Copeland L., Bimber B. (2017) Routing around organizations: Self-directed political consumption. *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 22, no. 2, pp. 131–153. DOI: <https://doi.org/10.17813/1086-671X-22-2-131>.
- Garbuzov V. (2015) *Dvizhenie chaepitiya v SShA* [The Tea Party Movement in the USA]. Moscow: Rossiyskiy sovet po mezhdunarodny'm delam. – 2 aprelya (<http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dvizhenie-chaepitiya-v-ssha/>).
- Gibson R., Greffet F., Cantijoch M. (2017) Friend or Foe? Digital Technologies and the Changing Nature of Party Membership. *Political Communication*, vol. 34, no. 1, pp. 89–111. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2016.1221011>.
- Granovetter M. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*, vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380 (<https://www.jstor.org/stable/2776392>).
- Hasmath R., Hildebrandt T., Hsu J. (2016) *Conceptualizing Government-Organized Non-Governmental Organizations. Paper Presented at Association for Research on Nonprofit Organizations and Voluntary Action Annual Conference (Washington D.C., USA), November 17–19* (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2814215).
- Henkin S.M. (2016) Fenomen Podemos [Podemos Phenomenon]. *Iberoamerikanskije tetradi*, no. 1(11), pp. 15–28 (http://imi-mgimo.ru/images/pdf/Iberoamerikanskije_tetradi/_1_11_2016.pdf).
- Kuznecov G.S., Sokolova E.N. (2017) *Sovremenniy tekhnologicheskij populizm. Strategicheskij doklad* [Modern Technological Populism. Strategic report]. Moscow: Ekspertniy institut socialnyh issledovaniy, pp. 48–58 (<http://eistr.ru/upload/iblock/20c/20cb876129f9b9a84e68c9a20a4ee9bf.pdf>).
- Levitin M. (2015) The Triumph of Occupy Wall Street. *The Atlantic*. 10 June (<https://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/06/the-triumph-of-occupy-wall-street/395408/>).
- Lilleker D., Koc-Michalska K. (2017) What Drives Political Participation? Motivations and Mobilization in a Digital Age. *Political Communication*, vol. 34, pp. 21–43. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2016.1225235>.
- Loi M. (2016) *The Uberization of Politics? Or: the Success of the Five Stars Movement explained by 10 analogies with the Sharing Economy* (https://www.academia.edu/30280819/The_Uberization_of_Politics).
- Morozov E. (2011) *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New York: Public Affairs.
- Olson M. (1995) *Logika kollektivnyh deystviy: Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups]. Moscow: Fond Ekonomicheskoy Initsiativy. 1995.
- Smorgunov L.V., Sherstobitov A.S. (2018) *Politicheskie seti: Teoriya i metody analiza* [Political Networks: Theory and Methods of Analysis]. Moscow: Aspekt Press.
- Vaccari C. (2017) Online Mobilization in Comparative Perspective: Digital Appeals and Political Engagement in Germany, Italy, and the United Kingdom. *Political Communication*, vol. 34, no. 1, pp. 69–88 DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2016.1201558>.